

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Сельская школа*

Наши читатели, особенно учителя старшего поколения, вероятно, знакомы с картинами или их репродукциями художника Н.П. Богданова-Бельского. Репродукция одной его картины «В сельской школе» была помещена в первом выпуске нашего журнала («СШ». № 1. 1998). Интерес художника к сельской школе, деревенским ученикам неслучаен — он сам учился в сельской школе, созданной подвижником народного просвещения России конца XIX в.

Сергеем Александровичем Рачинским.

Профессор Московского университета, член-корреспондент Российской академии наук, ботаник и математик, талантливый журналист и писатель, общественный деятель и педагог-просветитель, С.А. Рачинский большую часть жизни трудился на ниве просвещения народа, обучая крестьянских детей, и в этом труде нашёл внутреннее удовлетворение и благо.

Ныне мы пришли к необходимости возрождать утраченные нравственные ценности, т.е. к пониманию того, что общество бездуховных людей рано или поздно придёт к самоуничтожению. Сейчас нам необходимо осмыслить и обобщить духовный мир русского народа, опирающийся на традиции и опыт русской школы. Именно с этих позиций нужно шире взглянуть на педагогическое наследие подвижника-просветителя, на его роль в создании оригинального типа народной сельской школы, основанной на семейных и национальных традициях русского народа.

Сергей Рачинский

Изменения, происходящие в жизни нашего общества сегодня, заставляют каждого учителя серьёзно задуматься о своём труде, об ответственности школы за воспитание и обучение детей.

Особого внимания заслуживает находящаяся в бедственном положении современная сельская школа.

В чём же нуждается сельская школа, как помочь её учителям растить высоконравственных и грамотных кормильцев страны, чтобы возродить вымирающие ныне русские деревни? Ответ на эти и многие другие вопросы мы находим в главном педагогическом труде С.А. Рачинского «Сельская школа», который в советское время не публиковался, но он даёт возможность учителям сельских школ ознакомиться с историей развития народных школ и самое рациональное использовать в своей практической деятельности.

Всё свое духовное богатство Сергей Александрович завещал людям. Свет добра и знания, одухотворённость, любовь к родной земле, переданные Учителем через поколения, бережно хранят все питомцы Татевской школы, которую создал в смоленско-тверском русском селе и где много лет работал С.А. Рачинский.

Мысли педагога-практика XIX века не утратили актуальности и в наши дни.

Заметки о сельских школах

Суждения сельского учителя о школьном деле не могут отличаться ни многосторонностью, ни строгим беспристрастием. Явления школьной жизни, входящие в его кругозор, знакомы ему близко, известны ему в таких подробностях, которые ускользают от постороннего наблюдателя. Но кругозор его узок, и он беспрестанно подвергается опасности принимать местное и частное за общее, основывать свои выводы на слишком недостаточных данных. С другой стороны, самая близость его к делу может препятствовать правильной оценке многих существенных его сторон. По свойственному всем людям самообольщению, он может преувеличивать своё значение в деле, которому он призван служить, может взвалить на других ответственность за такие его несовершенства, которые он мог бы сам устранить...

Тем не менее, всякое искреннее слово человека, преданного своему делу, об этом, кровном его деле имеет относительную цену, как данная, как материал для людей, имеющих возможность обсудить это дело с точек зрения более общих, отрешённых от всяких местных случайностей, от всякого личного пристрастия. Это соображение и даёт мне смелость взяться за перо.

Скажу прежде всего несколько слов об особенностях, присущих нашей сельской школе, насколько они начинают выясняться за краткий период её существования.

* Публикуем с незначительными сокращениями.

Читая наши педагогические руководства, прислушиваясь к толкам печати, беседуя о школах с представителями нашей интеллигенции, постоянно чувствуешь, что речь идёт не о той сельской школе, в которой приходится нам трудиться, но о сельской школе вообще, о какой-то схеме, заимствованной из наблюдений над школами иностранными, преимущественно немецкими. Но та школа, которая возникает на наших глазах, среди народа, глубоко отличающегося от всех прочих своим прошлым, своим религиозным и племенным характером, своим общественным составом, среди обстоятельств, беспримерных в истории, с этой схемой имеет очень мало общего. Постараюсь указать на самые резкие из её отличительных особенностей.

В противоположность школам западным наша сельская школа возникает при весьма слабом участии духовенства, при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов из потребности **безграмотного** населения дать своим детям образование. В этом её слабость, в этом и её сила, в этом ключ к объяснению всех прискорбных и отрадных явлений в жизни наших сельских школ.

Из этого порядка вещей прямо следует, что преподавание в сельских школах не может иметь никакого направления, кроме данного теми же безграмотными родителями, что за ними не может быть иного контроля, кроме контроля тех же родителей.

То, что я говорю, многим покажется чудовищным парадоксом. Наши сельские школы находятся под четверным контролем: дирекций народных училищ, епархиального начальства (через благочинных и особо назначаемых надзирателей), учи-

лищных советов и местной полиции. Кажется, на недостаток направляющих и контролирующих сил жаловаться нечего. Но чем же на деле выражается вся эта роскошь надзора и контроля?

Директора и инспектора народных училищ не пользуются сочувствием нашей печати. Она преисполнена самыми резкими нападками на их бездействие или на ложное направление их деятельности. Нет сомнения, что в этих должностях человек неблагонамеренный может принести много вреда. Но принести пользу человек благонамеренный (а таковы все члены инспекций, с которыми меня сводила судьба) положительно не может. Всё зимнее время этих почтенных чиновников поглощено составлением многосложных отчётов (за гражданский год), а летом, как известно, все школы закрыты. Этот порядок вещей, с одной стороны, не даёт инспекторам физической возможности посетить сотни школ, разбросанных на сотни вёрст, которые состоят в их ведении, с другой — ведёт к составлению отчётов из неверных цифр (ибо по каждой школе числятся и ученики, окончившие курс весной, и ученики, поступившие осенью).

Участие училищных советов в школьном деле в громадном большинстве случаев ограничивается ходатайством перед земством об отпуске денежных сумм, огульным распределением их по наличным школам и назначением членов для присутствия на экзаменах.

Благочинные и специальные надзиратели за преподаванием закона божия посещают школы нехотя и только для исполнения формальности.

Полицейские чины, по свойственному русскому человеку здравому смыслу, вовсе не вмешиваются в

школьное дело, в коем они ничего не смыслят.

И при всём том число школ растёт, уровень их медленно поднимается.

Результат этот тем более замечателен, что при возникновении наших сельских школ всё клонило их в направление противоположное: равнодушие к ним духовенства, краткое увлечение ими (перешедшее затем в совершенное охлаждение) местной интеллигенции, отношение к ним министерства, наконец, естественное стремление элементов противообщественных, антирелигиозных овладеть этой возникающей школой. Что касается министерства, то его постановления, циркуляры, инструкции преисполнены выражениями неуставной заботливости о процветании религиозного элемента в школах всех возможных наименований. Но во всём этом мало искренности.

Каким же путём совершается воздействие официально бесправного, безграмотного, по-видимому, совершенно некомпетентного населения на дело, в коем оно одно искренно заинтересовано? Медленным, почти бессознательным, но упорным давлением снизу — пассивным сопротивлением всему, не подходящему к народному понятию о школе, выживанием негодных учителей, поощрением удовлетворяющих народным нуждам, неотразимым влиянием учащихся на учащихся.

Само собой разумеется, что этим преобладанием здорового, но тёмного, ещё мало осмысленного влияния на наши сельские школы, рядом с их несомненной жизненностью, обуславливаются многие их слабости и недостатки, устранимые только временем. Наше дело жидетя неустанным трудом поколений и не может созреть в краткий период человеческой жизни.

Религиозный, церковный характер, налагаемый на нашу школу силой вещей, обуславливает её резкую особенность — учебную программу, отличающуюся от учебных программ всех школ иноземных.

Кроме всех предметов, преподавание которых желательно или нужно во всякой сельской школе, польза и необходимость которых ещё смутно сознаётся нашим безграмотным населением, русская сельская школа уже теперь обязана сообщить своим питомцам знание **церковнославянского языка**.

Не могу достаточно настаивать на громадном значении этого обстоятельства, на неоцененном преимуществе, которое оно даёт русской сельской школе над всеми прочими.

Обязательное изучение языка мёртвого, обособленного от отечественного целым рядом синтаксических и этимологических форм, а между тем столь к нему близкого, что изучение его вполне доступно на первых ступенях грамотности, — это такой педагогический клад, которым не обладает ни одна сельская школа в мире. Это изучение, составляя само по себе превосходную умственную гимнастику, придаёт жизнь и смысл изучению языка русского, придаёт незыблемую прочность приобретённой в школе грамотности.

Действительно, по условиям нашего сельского быта, по бедности и малодоступности нашей светской литературы, для грамотного крестьянина не существует иного постоянного упражнения в грамотности, кроме чтения Псалтыри по покойникам и участия в богослужении. Светских книг, доступных и полезных крестьянину, у нас слишком мало, и они попадают ему редко. Между тем неисчерпаемые богатства нашего богослужебного круга — этого сокровища поэзии, нравствен-

ного и догматического поучения — дают постоянную пищу уму, воображению, нравственной жажде нашего грамотного крестьянина, поддерживают в нём способность к тому серьёзному чтению, которое одно полезно и желательно. Вот почему, между прочим, лишь те школы, которые устроены при церквах, плодят у нас истинных грамотеев.

Подобная роль и по тем же причинам предстоит в будущем в наших сельских школах изучению пения (церковного). Вернусь к нему впоследствии.

Мне остаётся указать на особенность наших сельских школ (северной полосы) — особенность, обусловленную причинами чисто внешними, но имеющую на её внутреннюю жизнь неизмеримое влияние.

Особенность эта заключается в следующем. Девять десятых из учеников наших сельских школ не **ходят** в школу, а **живут** в ней. Деревни наши так разбросаны, ученики наши так малы и так плохо одеты, что лишь из одной, много из двух, трёх деревень они могут ходить ежедневно в школу. Все живущие в деревнях более отдалённых приходят на целую неделю, с запасом хлеба, целый день сидят в школе или толкуются около неё, ночуют, где попало, — в классе, церковной сторожке; более жакиточные — в особо нанятых квартирах; у причетников и т. д. Школы, при которых устроено для учеников особое помещение или даже правильное общежитие, составляют весьма редкое исключение.

Нельзя не обратить достаточно внимания на эту особенность наших северных сельских школ. Во-первых, она объясняет то **нежелание** родителей посылать детей в школу, в котором так часто и совершенно напрасно упрекают наших крестьян. Всякий отец, всякая мать согласит-

ся, что нужно очень сильное желание дать своим детям сильное образование, большая уверенность в пользе этого образования, чтобы при таких условиях посылать своих детей в школу. Помещение детей к живущим поблизости от школы часто сопряжено с немалыми хлопотами и издержками. Эти хлопоты и издержки могут быть значительно уменьшены при устройстве в самой школе приличного помещения при разумной инициативе священника или учителя, берущего на себя организацию правильного общежития. Но подобные общежития пока обязательными сделать нельзя, их распространение будет делом времени и опыта. Всего этого не следовало бы забывать нашим ревнителям обязательного и дарового обучения. Даровое обучение пока обходится у нас очень дорого.

Это исключительное положение наших сельских школ имеет громадное влияние на всю постановку нашего школьного дела. Оно даёт родителям право быть чрезвычайно требовательными к учению, достигаемому ценой столь явных неудобств; оно возлагает на школу разные виды ответственности, о которых не может быть речи в школах западной Европы и южной России. Оно превращает сельскую школу из учебного заведения в воспитательное. Школа захватывает всю жизнь ребёнка и становится великой силой, налагающей на него неизгладимую печать. Какую? Это зависит от духа школы, от её организации, от лиц, ею управляющих.

Само собой разумеется, что это обстоятельство имеет также решающее влияние на сам план преподавания, на его способы и методы. Вопрос уже не в том, как разумно распределить занятия в течение четырёх, пяти часов учения, а в том, как

разумно занять весь день ребёнка. Счастлива та школа, которая имеет лампу, освещающую длинные зимние вечера, в которой ребята не вынуждены с трёх часов пополудни сидеть в потёмках или читать при свете догорающей печки. Но нелегка задача учителя, который берёт на себя ответственность исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечерними занятиями, без которых не имеет смысла жизнь несчастных школьников, оторванных от семьи, пользующихся учением лишь в течение двух, трёх зим, от Покрова до Светлого праздника.

Сказанного, полагаю я, достаточно, чтобы убедить читателя в коренном своеобразии русской сельской школы. Задачи её труднее, шире, чем задачи какой-либо сельской школы в мире. Чтобы стать на высоту этих задач, ей предстоит выработать особый тип учебный и нравственный, которому нет образца в школах западноевропейских. Да хранит её Бог при первых неверных шагах её трудного существования. В ней кроется зародыш великого блага или великого зла...

Постараюсь разъяснить по мере моих сил, каким образом отражаются эти коренные отличия русской сельской школы на всех сторонах её учебного и нравственного дела, на её жизни, внешней и внутренней.

Переходя к рассмотрению отдельных элементов, из которых складывается жизнь русской сельской школы, остановлюсь прежде всего на самом важном из них — на её учениках.

При первом же взгляде на всякую нашу школу в ней поражает отсутствие или малое количество девочек. Ясно, что наша школа делает лишь половину своего дела, а что другая, быть может, самая важная половина ускользает от неё.

Отсутствие девочек объясняется очень просто — теми же внешними условиями, которые затрудняют помещение в школу мальчиков. Понятно, что эти условия для девочек ещё более неблагоприятны и стеснительны. Поэтому вы в наших сельских школах кроме дочерей причетников встретите разве девочек из самых ближайших деревень. Никакого общего предубеждения против обучения девочек у крестьян, однако, не существует. Там, где возможно прилично устроить их при школе, их охотно отдают в учение.

Впрочем, появление девочек в наших сельских школах — явление совершенно новое. Трудно сказать, какие размеры оно примет в ближайшем будущем. Если не возникнет внешних препятствий, всё заставляет думать, что наплыв девочек год от году будет расти. А такое внешнее препятствие существует уже теперь.

Для того чтобы ребёнок приобрёл прочную грамотность, ему необходимо посещать школу, по крайней мере, три зимы. (По моим наблюдениям, этот срок достаточен только для детей самых способных, для всех же прочих нужны четыре зимы.) Притом необходимо начинать не ранее десяти лет, и с этим вполне согласна практика крестьян: они понимают, что ребёнок, оставляющий школу одиннадцати, двенадцати лет, рискует всё перезабывать. Между тем Министерством народного просвещения строго воспрещено обучать вместе с мальчиками девочек старше 12 лет. Это запрещение равняется безусловному исключению девочек из сельской школы. Об отдельных для них школах у нас ещё не может быть и речи. Поместить восьми, девятилетнюю девочку в нашу сельскую школу почти невозможно (ни при одной из них нет, да и не может

быть особого общежития для девочек). Довести девочку, поступающую в школу лет 10, 11, до полной грамотности запрещено. Сообщить действительную грамотность крестьянке наша школа может только **при явном нарушении закона.**

Легко смеяться над этим постановлением, словно изданным в Париже и для Парижа, над тем баснословным незнанием сельского быта, сельских нравов, которое одно может его извинить. Но право, нам не до смеха. Появление девочки в сельской школе — это наш первый успех, наше первое, дорого купленное завоевание, это залог всего будущего развития нашей сельской школы. То, чего недостаёт нашим ученикам при школе самой совершенной, чего мы им не в силах заменить, та атмосфера грамотности вне школьных стен, которая одна может поднять наше дело на степень жизненности и прочности, которая ей подобает, — эта атмосфера может создаваться лишь при посредстве грамотных матерей. Между тем девочки уже изгнаны из министерских сельских училищ, а в прочих училищах они только терпимы: учебные власти **обязаны** их изгнать. Дивиться ли тому, что у многих рука не подымается при виде бедных крошек, худеньких и слабых, как восьмилетние дети зажиточных классов, но имевших несчастье родиться двенадцать лет тому назад и потому лишённых права приучить свои неумелые пальцы к твёрдому держанию пера и иглы, свой пробуждающийся ум к самым элементарным приёмам мышления?

Пишу эти строки в субботу вечером. Учение в школе ещё не началось; завтра соберутся ученики, чтобы петь обедню. Но ученица из самой дальней деревни нашего прихода (18 вёрст) уже тут. Она поёт на

правом клире: это радость и гордость её жизни. Из тёмной глубины притвора, где за густой толпой мужчин, вздыхая и крестясь, перешёптываются деревенские кумушки, она вознесена на высоту того таинственного алтаря, в который она не может вступить...

Но боюсь распространяться о девочках. Предпринимать их характеристику, быть может, ещё слишком рано. Поговорю лучше о мальчиках. О них позволяю себе иметь своё суждение. Оно же и всего лучше пояснит читателю, почему я считаю полезным, чтобы вместе с ними учились и девочки.

Мальчик, поступающий на одиннадцатом году в сельскую школу, мало похож на своего сверстника из образованных классов. Он не видал ещё букваря, но твёрдо знает азбуку жизни. Он уже испытал много недетского горя, участвовал во многих недетских трудах. Едва он стал твёрдо держаться на ногах, ему поручили нянчить младшего братца или сестру. Через это нянченье прошли все наши деревенские ребята, и мальчики, и девочки. На пороге сознательной жизни на них возлагается самая страшная из ответственностей — ответственность за жизнь беспомощного, дорогого, но докучливого существа, которое без их постоянной заботы существовать не может. Ведь мать боронует и пашет, косит и жнёт. Как только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, превышающие эту силу, работы, сопряжённые с ответственностью за самые ценные части крестьянского инвентаря — за скот и лошадей. Он — деятельный участник всех трудов и забот семьи. Среди этих тяжёлых, лихорадочных трудов не до того, чтобы скрывать от него какие-либо грязные или тёмные стороны

жизни. Он узнаёт всё не из шуточных рассказов, а из горького личного опыта. Он видит вблизи и смерть со всеми её ужасающими подробностями, во всем её таинственном величии, и научается смотреть на неё трезво и просто, с покорностью и надеждой. Он неуч перед пятилетним ребёнком образованных классов, но он неизмеримо зреее для жизни, чем двадцатилетний юноша, выхлещенный в богатом, просвещённом семействе.

В школу он поступает с радостью. Тут его ожидает жизнь относительно привольная и лёгкая, без непосильного труда, физического или умственного, — ожидает его роскошь, составляющая потребность детского возраста, роскошь, на которую нет времени в его семейной жизни: постоянное внимание к нему старших, постоянная забота о нём. Но он приносит с собой приобретённое в семье чувство ответственности за свои поступки, за своё время, сознание необходимости труда, напряжения своих сил. От учителя зависит не дать заглухнуть этим драгоценным задаткам, но укрепить и направить их. Приносит он с собой и тёмное, но высокое и благоговейное понятие об учении как о ключе к тайнам молитвы, жизни вечной, божественной мудрости. Он, крестьясь, целует первую книгу, которую дают ему в руки.

С товарищами дружится он скоро. В крестьянских семьях нет тех различий тона, взглядов, привычек и мнений, которые в нашем образованном обществе дошли до вавилонского смещения языков и мешают его детям понимать друг друга и сближаться.

Старшие ученики принимают новичков с радушием и лаской. Эти мальчики — любимцы школы. По доброй домашней привычке с ними

носятся и нянчатся. Мерзкий обычай немецкой школы, перешедший и в наши средние учебные заведения, обычай дразнить и мучить новичков, совершенно чужд школе русской — а такова пока лишь наша бедная сельская школа. Но этого мало. Заботливость старших о новичках составляет такую же характерную особенность в нашей школе, как противоположная черта в школе немецкой. Эта заботливость проявляется во всём: в играх, в работах, в постоянной помощи старшим младшим в школьных занятиях. Она сопровождается изумительным в детях терпением и умением обращаться с детьми младшего возраста, умением, которое было бы непостижимо, если бы мы не знали, что оно приобретается вне школы ранней, продолжительной практикой.

Станным, почти чудовищным может показаться людям, чуждым сельской жизни, это нянчение крошек малютками, этот тягостный искус, возлагаемый на детей, слишком юных, чтобы понять всё его нравственное значение. Таковым казался он когда-то и мне. Но что, если он отражается на детях именно своей нравственной стороной, оставляет в их душе глубокое чувство жалости к беспомощным и малым именно потому, что он не произвольное насилие, а горькая необходимость?..

...Приводят в школу восьмилетнего мальчика. «Мал он ещё, — говорю я, — лучше подождать год или два». — «Помилуйте, — отвечает мать, — пора его освободить: он уже четыре года нянчит...»

В школе заходит речь о том, чтобы завести кур, для того чтобы не пропадали крохи от общей трапезы. Один из живущих в школе учеников, нервный и впечатлительный мальчик, морщится и бледнеет: «Что хотите заводите, только не

кур!» Этот мальчик — внук птичницы при господском дворе. Всё его раннее детство прошло в нянченье ребят и возне с домашней птицей. Тот же мальчик (12 лет) способен целыми часами заниматься с целым классом новичков — учить их с жаром, с толком, с увлечением и привлекает их внимание не хуже любого патентованного учителя.

Почти во всяком из наших школьников есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умеющий играть на этой струнке, приобретает драгоценное, почти необходимое подспорье в почти неограниченной работе, возлагаемой на него исключительными условиями нашей школьной жизни. Во всякой школе найдутся два-три толковых и усердных мальчика, которым, с великой обоюдной пользой, можно смело поручить младших товарищей для известных, нехитрых, но необходимых упражнений. Замечательная распространённость этой склонности между крестьянскими ребятами имеет огромное значение для всей будущности нашего школьного дела. Она поведёт и уже начинает вести к распространению элементарной грамотности вне школьных стен. Она обеспечивает нам тот громадный контингент дешёвых сельских учителей, который понадобится нам в близком будущем и который не может быть почерпнут ни откуда, как только из среды грамотного крестьянства.

Наши школьники поступают в школу с твёрдым намерением сделаться грамотными, большей частью по собственной неотступной просьбе, с полной готовностью учиться без перерыва с утра до вечера. Таково и желание родителей. Школа, в которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятий, признанными достаточными педа-

гогической наукой, считается плохой школой. И родители правы. Они мало ценят те весьма скудные сведения, которые могут быть приобретены напоказ в течение трёх-четырёх зим казённого учения, но высоко ценят те необходимые **умения**, которые действительно могут быть приобретены в этот срок, но лишь при весьма интенсивной работе. Всё это неудержимо теснит нашу школу к увеличению числа учебных часов, и главным двигателем тут являются сами ученики. Их постоянное присутствие в школе, их поистине ненасытная жадность к учению волей-неволей заставляет всякого внимательного учителя умножать число классных занятий, в особенности в первой половине зимы, когда нужно пользоваться всем кратким днём, и затем настаёт длинный вечер, в который ученикам и бегать по улице невозможно. О тех особенностях, которые столь интенсивное учение по необходимости вносит и в учебный план, и в школьную дисциплину, скажу впоследствии. Настаиваю теперь только на том, что такое интенсивное учение не есть насилие над детьми, но уступка их требованиям: они пришли учиться, и, кроме школы, деваться им некуда. Чтобы выжить их из класса, буквально нужно погасить лампу. Делают они своё дело с терпением и настойчивостью, вполне понимая, что дело это трудное и важное. Это отношение детей к школе одно и даёт учителю возможность вести такое усиленное учение, которое, впрочем, всякому учителю-крестьянину представляется вполне нормальным.

В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и весёлое, но скромное поведение в

школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительного сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные. В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов. Русский народ, вошедший в пословицу своим сквернословием, в сущности самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русского человека есть грязь. Когда в нём проснется зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ей. Но пока он трезв, пока он остаётся сам собой, он чист в мыслях и словах. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникшая из Франции в нравы нашего полубразованного общества, в нашу литературу низшего разряда, глубоко ему чужда. Каждый наш крестьянский мальчик — ещё не испорченный русский человек. Считаю это замечание нелишним потому, что пугливость нашего министерства относительно совместного обучения девочек и мальчиков, вероятно, происходит оттого, что оно судит о последних по гимназистам и кадетам их возраста. Ошибочнее этого сближения ничто быть не может. Мальчики и девочки, проводящие в деревне без всякого надзора и без всякого вреда всю свою жизнь вместе, не повредят друг другу и в школе.

Но зато они могут принести и приносят друг другу немалую пользу. Всё сказанное мной об отношениях мальчиков к школе можно сказать и о девочках. Но нельзя не заметить на стороне мальчиков известного преимущества в развитии, в ширине умственного кругозора. Это неравенство, весьма сильное между

взрослыми крестьянами и крестьянками по самым условиям их жизни, в детях является лишь в зачатке и сглаживается совместным обучением в школе.

Предоставляю судить читателям, не желательнее ли такое уравнение, чем искусственное усиление неравенства через затруднение девочкам доступа к прочной грамотности. Не полезно ли для самих мальчиков с раннего детства убедиться в том, что их сёстры, их будущие жёны нисколько не уступают им в умственных способностях?

Средний уровень способностей наших крестьянских детей, как мальчиков, так и девочек, вообще очень высок. Последние, быть может, ещё превышают первых понятливостью и терпением. Способности эти разнообразны, но преобладают заметно способности математические и художественные. Умственный счёт — любимая забава детей в промежутки между классными занятиями, и в нём легко достигается значительная быстрота и ловкость, так же как и в решении сложных письменных задач. Пение при сколько-нибудь умелом преподавателе прививается несравненно успешнее, чем в средних учебных заведениях. Успеху в этом отношении, конечно, способствует сочувствие родителей. Пение — единственный предмет преподавания, о результатах которого могут непосредственно судить и безграмотные и который получает немедленное практическое приложение, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же некоторым образом даёт очевидную мерку усердия и умелости учителя. Но и независимо от этих выгодных условий музыкальная даровитость наших крестьян поистине изумительна. Ничуть не ме-

нее распространена другая художественная способность, которая при нынешнем зачаточном состоянии нашей сельской школы лишь в редких случаях имеет возможность проявиться, — способность к рисованию. Количество дремлющих художественных сил, таящихся в нашем народе, громадно, и о нём пока может составить себе приблизительное понятие лишь внимательный сельский учитель.

Остаётся мне дополнить эту беглую характеристику наших сельских учеников несколькими словами об их отношении к предметам религиозным и нравственным. Оно не может быть иное, как отношение к ним их родителей, лишь более бессознательное и смутное. Мы тут вступаем в область малоисследованную и обширную, в которую до сих пор бросают яркие лучи света лишь указания, разбросанные в творениях трех незабвенных покойников: А.С. Хомякова, К.С. Аксакова и Ф.М. Достоевского. Область эта совершенно выходит из рамок краткой заметки, и я должен ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственного идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу; которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим; которая в натурах страстных и узких ведёт к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечёт за собой преувеличенное сознание своего бессилия и в связи с ним отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами и необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславлива-

ет возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, — вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребёнке. Велика и страшна задача русской школы ввиду этих могучих и опасных задатков, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешённой от церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к её разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой церкви, и духовных, и светских...

Все сказанное мной об учениках наших школ относится к ученикам нормальным, детям порядливых и более или менее зажиточных крестьян, которые одни до сих пор пользуются у нас учением. Но кроме них в состав учащихся в сельской школе входят и другие элементы: дети причетников, служащих при господских усадьбах, бездомные сироты, обучающиеся и живущие при школах на средства добрых людей, дети сельских торгашей и кабатчиков, мелкопоместных дворян (весьма многочисленных в нашей местности); наконец, в школе, в которой я учу, дети латышей-арендаторов, в значительном числе поселившихся в нашем приходе. Не стану говорить в отдельности о всяком из этих рядов учеников, вообще малочисленных; но не могу не сказать несколько слов о двух из них, представляющих особые затруднения для учителя.

Истинную язву наших сельских школ составляют дети торгашей и кабатчиков. Эта денежная аристократия наших сёл, ничего не делающая для школ, отлично умеет пользоваться ими для первоначального обучения своих детей, затем

нередко поступающих в гимназии и городские училища. Эти дети, выросшие в кабаке, в праздности и относительной роскоши, в атмосфере грязи и обмана, резко отличаются от всех прочих учеников. Школа, в которой они редко живут, не в силах перевесить тлетворное влияние домашнего очага. Их сквернословие, их мерзкие шалости составляют грубый диссонанс в мирном строе сельской школы.

Менее испорчены, но также весьма затруднительны для учителя те несчастные дети, которые попадают в школу после нескольких лет нищенства. Очень трудно победить в них привычку к праздности, к бродячей жизни, разные сопряжённые с ней дурные навыки. Число этих детей пока ещё весьма незначительно. Лишь в редких случаях касается нашей сельской школы общественная и частная благотворительность. Но обращаю внимание на этот незначительный контингент, потому что увеличение его крайне желательно. Те печальные последствия, физические и нравственные, которые влечёт за собой раннее нищенство детей, настоятельно указывают на необходимость предотвращать его помещением детей в школы и изыскать нужные для этого денежные средства.

Быть может, дочитывая эту заметку, читатель заподозрит меня в излишнем пристрастии к ученикам сельской школы, спросит себя: не подкрашиваю ли я действительность, подбирая для их характерис-

тики черты исключительно светлые, симпатические. Сам задаю себе этот вопрос, но по совести должен отвечать на него отрицательно. Пусть вспомнит читатель, что до сих пор мы в сельских школах имеем дело с детьми лучшего меньшинства нашего крестьянства. Дай Бог, чтобы дух, воцарившийся с ними в нашей сельской школе, не изменился и не заглух, а упрочился и развился.

Пусть вспомнит также читатель, что с ним говорит не случайный посетитель, подкупленный весёлым и бодрым видом школы, а учитель, проводящий в ней всю свою жизнь. Зимой он с 8 часов утра до 8 часов вечера окружён семьюдесятью крестьянскими ребятами, в будни и праздники. Этот учитель — человек больной и старый, избалованный иным образом жизни. Поручите ему при тех же условиях столько же детей того же возраста, самого тщательного воспитания, из самых лучших наших семейств — и он через неделю сошёл бы с ума. Физическое утомление, неизбежное при этом образе жизни, с избытком вознаграждается тем душевным отдыхом, который он нашёл на склоне лет и сил так близко, так легко.

Да простит мне читатель нескромность этого, чисто личного аргумента. Покоряюсь на его насмешку, если только мне удалось возбудить в нём малейшее желание заглянуть в этот скромный мир, столь доступный и, как мне кажется, столь мало ещё знакомый нашему образованному обществу.